

Внутренняя речь в прозе Андрея Платонова: прагмалингвистический аспект

Коростов Илья Сергеевич

Студент Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия

Речевая деятельность, как известно, носит психофизический характер. Внутренняя речь предшествует речевым актам и скорее является средством, опосредствующим мышление и речевой акт, но не мышлением. В настоящее время исследования внутренней речи не оставляют сомнений в ее непосредственной связи и генетической зависимости от внешней – устной и письменной. Внутренняя речь возникает из внешней, является ее психологической трансформацией, в которой наибольшее значение имеют ситуативность внутренней речи, обобщенность и вытекающая из них словесная фрагментарность. Известный психолингвист А.Н. Соколов замечает, что в психологии термин «внутренняя речь» обычно обозначает «беззвучную, мысленную речь, которая возникает в тот момент, когда мы думаем о чем-либо, решаем в уме какие-либо задачи, мысленно составляем планы, припоминаем прочитанное, молча читаем и пишем. Во всех случаях мы думаем и вспоминаем при помощи слов, которые произносим про себя. Внутренняя речь – это и есть речь про себя, или скрытая вербализация, с помощью которой происходит логическая переработка чувственных данных; их осознание и понимание в определенной системе понятий и суждений» [Соколов: 15].

Внутренняя речь является одним из важнейших средств характеристики человека в современной литературе, которое позволяет достоверно и глубоко показать внутренний мир действующих лиц. Изображение внутренней речи в художественном тексте достаточно условно. Эта условность может иметь открытый, явный характер или быть скрытой, завуалированной. В первом случае художественная репродукция внутренней речи возможна и без использования специальной языковой техники (внутренняя речь персонажей не отличается по своему строю от их внешней речи). Во втором – во внутреннюю речь персонажей включаются специальные сигналы, сообщающие читателю, что действующие лица думают «как в жизни». Условность изображения внутренней речи в художественном тексте проявляется прежде всего в том, что ее репрезентация осуществляется с помощью известных способов передачи чужой речи, т. е. прямой, косвенной и несобственно-прямой речи. Другими словами, в основе внешней и внутренней речи персонажей лежат стандартные модели одних и тех же контекстных приемов.

Художественные формы внутренней речи отличаются от параллельных форм внешней речи на уровне стандартных моделей в первую очередь своими внешними признаками: в качестве сигнала появления внутренней речи в предложении выступают лексические единицы (глаголы, имена существительные) с семантикой ментальной или эмоциональной деятельности, которые, во-первых, переключают повествование на субъективный план персонажа или подключают этот план к повествованию, во-вторых, осуществляют переход к интроспективному показу действующего лица.

Диалогизированность внутренней речи проявляется как во взаимодействии ее с контекстом (внутренняя речь является частью диалога), так и внутри ее самой (внутренняя речь строится как составной текст, где разные «внутренние» голоса имеют свои речевые партии). Представленные основные особенности внутренней речи как особого способа передачи чужих речений и как важного приема изображения внутреннего мира героя в художественном тексте отразились и в прозе Андрея Платонова.

Прозе А. Платонова присуща многослойность проблематики: из первого, бытового плана вырастает план социальный, переходящий в философский. Диалог, полилог идей рождает особую организацию текста. Отсюда понятна огромная роль внутренней речи в сюжете. Герои А. Платонова – носители идей автора. Язык Платонова – это повествование «чужой речью». Подобное устранение автора в пользу чужой речи непосредственно выражается в самом звучании речи. Алогичность синтаксических конструкций, трансформация традиционных способов передачи чужой речи в особый тип

«сообщения» способствует сохранению стиля авторского повествования и укреплению позиции «авторской вменяемости» в чужой речи. «Нарочитое бесстрашие» автора приводит к увеличению дистанции между автором и героем, что и отражается в структуре и семантике конструкций с внутренней речью. Соотношение речевых планов автора и персонажа определено стремлением писателя изобразить «сознание изнутри». Например: *«Их тело сейчас блуждает автоматически, – наблюдал родителей Воцев, – сущности они не чувствуют»* (Котлован).

Примечательно, что модусная вводная часть конструкций с внутренней речью в большинстве случаев лишена традиционных комментариев автора о психологическом состоянии героя в речевой ситуации, не предопределяет появление чужого высказывания, т. е. сематически почти не связана с ним. Кроме того, с синтаксической точки зрения внутренняя речь оформлена неправильно, т. е. не как типичная прямая речь:

Глядя на забор, он (Саша) думал задушевным голосом: стоит себе! – и тоже стоял где-нибудь без всякой нужды (Чевенгур).

Во вводной конструкции совмещены мыслительный и речевой акты: *думал голосом*, т. к. голос – это всегда звучащая речь, направленная во вне. Перед нами речь внутренняя, подобная мыслительному процессу, а значит, направленная на самого говорящего, по сути, речь невыраженная. Подчеркнутое равнодушие к героям определяет отсутствие семантической связи между авторским повествованием и чужой речью. Хотя формы лица в чужой речи употребляются с точки зрения исходного говорящего, т. е. персонажа, однако эти грамматические изменения в чужой речи не значимы для воспринимающего текст читателя. Важна лишь информация, передаваемая в речи героя.

Исследуя особенности репрезентации внутренней речи в прозе Платонова, можно сделать вывод, что внутренняя речь персонажей в той или иной степени отстранена от субъекта, слова существуют сами по себе, а люди и их поступки – это совершенно иное пространство.

Литература

Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М., 1968.